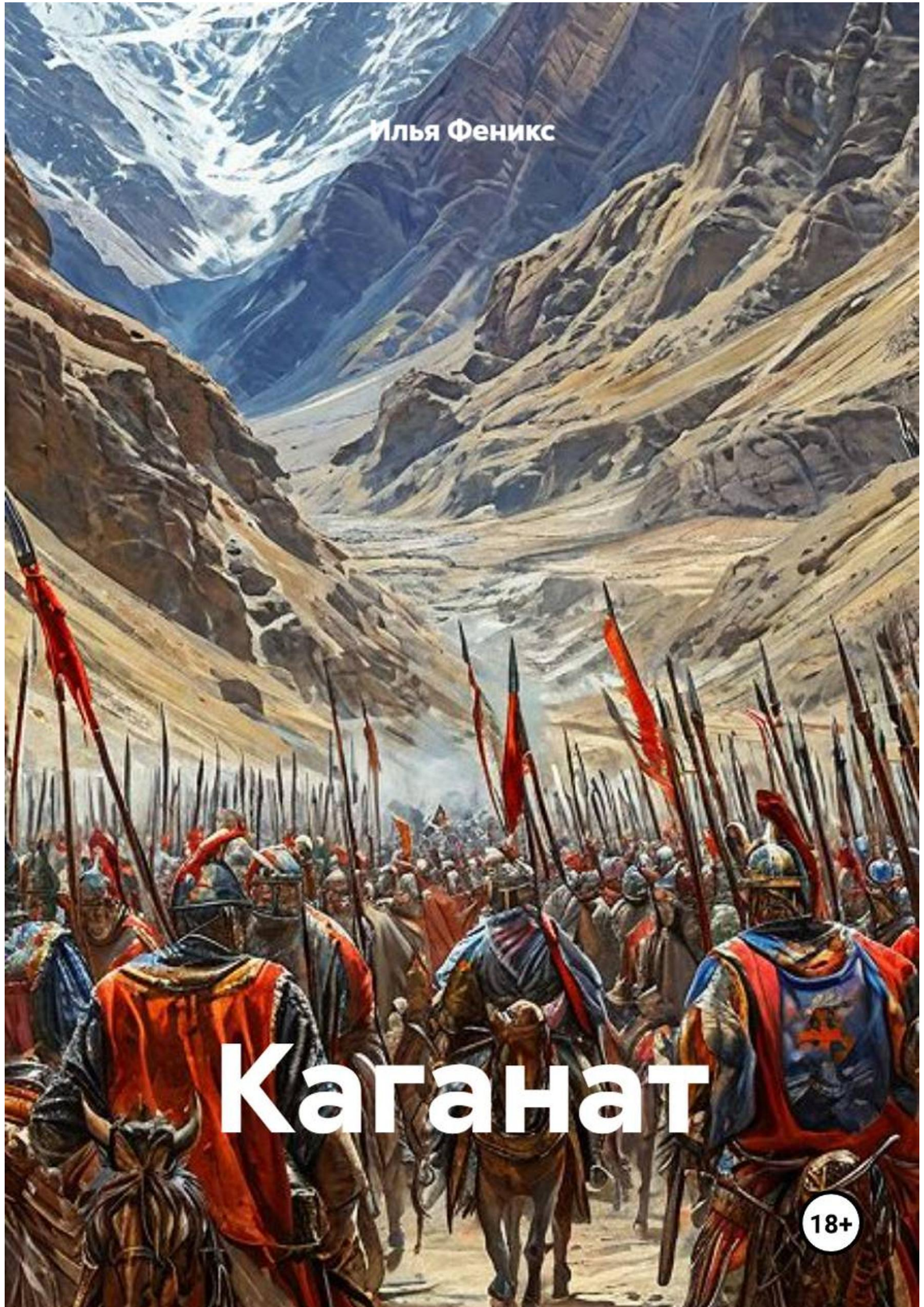

The illustration depicts a large medieval army marching through a narrow mountain valley. The soldiers are dressed in chainmail and surcoats, many wearing helmets with red plumes. They carry long spears and red banners. The valley is flanked by steep, rocky mountains, and a river or path winds through the distance. The sky is filled with dramatic, swirling clouds in shades of blue and white.

Илья Феникс

Каганат

18+

Илья Феникс

Каганат

«Автор»

2026

Феникс И.

Каганат / И. Феникс — «Автор», 2026

Художественное описание падения Уйгурского Каганата в 9 веке нашей эры с нотками мистики. С принятием новой веры - Манихейства, старые тенгрианские и степные обычаи уйгуров, киргизов, карлуков, монголов и прочих народов Великой Степи стали отходить на второй план, но, постепенно, нарастало всё больше и больше противоречий, что привело к уничтожению государства уйгуров армией киргизов и их союзников под предводительством великого Ажо-кагана.

© Феникс И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Новый Рассвет	5
Часть 1: Гость из Согдианы. Глава 1: Каган	7
Глава 2: Деревня колдунов	11
Глава 3: Согдиец	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Илья Феникс

Каганат

Пролог: Новый Рассвет

Уйгурский Каганат, конец 8 века нашей эры

Каган Кутлуг взошёл на высокий деревянный помост, возвышавшийся над степями Уйгурии, покорившей множество кочевых народов. Священники-согдийцы в белых одеждах пели песни на странном непонятном языке, возводя к небу голоса, глаза и посохи, цитируя «Сокровищницу Жизни» пророка Мани. Вокруг стояло великое множество народа. Были здесь и знатные, и воины, и простой кочевой люд, и люд оседлый, а также просто любопытные, пришедшие посмотреть на то, как каган принимает новую веру пророка Мани и отказывается от веры в Бескрайнее Синее Небо.

Белые стены столицы каганата, Орду-Балыка, поднимались над степью неподалёку, символизируя о начале новой цивилизации и постепенному переходу от кочевого образа жизни к феодальной культуре по образу династии Тан и согдийских марзапанатов.

Когда первый луч восходящего солнца пал на стены города, Ямаг, или по-другому первосвященник, прибывший из самого Самарканда, поднял чашу с водой и вылил её на голову преклонившегося кагана.

- Клянёшься ли ты боле не почитать идолов? – спросил он Кутлуга.

- Клянусь, - ответил каган, шмыгнув носом от ледяной воды.

- Клянёшься ли ты не лгать, не стяжать, не прелюбодействовать, не убивать и не красть?

- Клянусь, - сказал каган громче, чтобы все его слышали.

- Клянёшься ли ты быть усердным, не обманывать, не иметь двух мнений и не учить магии?

- Клянусь!

Ямаг удовлетворённо кивнул и подал кагану кубок с водой и ритуальную чашку с рисом. Кутлуг залпом опрокинул чашку в рот, прожевал и затем запил водой.

- Принимаешь ли Мани как своего пророка? – спросил священник.

- Принимаю Мани как пророка своего! – ответил каган и поднялся на ноги во весь рост.

Двенадцать священников-манихеев у помоста запели во весь голос на персидском, цитируя слова пророка Мани:

Живой Параклет сошёл на меня и говорил со мной.

Он открыл мне скрытое таинство, которое было сокрыто от миров

И поколений,

Тайное учение о Глубине и Высоте.

Открыл он мне тайное учение о Свете и о Тьме,

И о Великом Сражении и Последней Войне...

Каган отряхнул колени, выпрямился и провозгласил, обращаясь к народу:

- Мы были невежественны в прошлом, поклонялись идолам и называли демона Буддой, теперь мы уже не повторим таких ошибок! Слава Мани!

- Слава Мани! Слава Мани! – повторили за ним Ямаг и священники.

Уйгурские воины начали стучать о землю копьями, ударять саблями о щиты и потрясать в воздухе луками, повторяя за своим каганом священные лозунги манихейства. Через несколько секунд десятки тысяч голосов уже приветствовали, по крайней мере на словах, обращение своего правителя в новую незнакомую веру.

- Жаль деда нет с нами, - тихо сказал сын кагана, 25-летний Кюлюг-Бильге, обращаясь к своему дяде Алп-Кутлугу. – Интересно, что бы он сказал на это...

- Такие слова опасны, юный принц, - ответил ему седовласый верховный маршал каганата. – Надеюсь, что в этом шуме их никто не услышал, кроме моих ушей.

Принц вздохнул и нервно сжал рукоять своего пчака (1) на поясе. Он никогда не был ревностным и воинственным тенгрианином как его дед Ачдо-хан, которому удалось разгромить даже Тибетскую Империю, но и чужая вера из далёких краёв вызывала у него беспокойство и страх перед неизвестностью.

«Мой дед сплотил страну во время смуты и укрепил её, мой отец вводит новые порядки, а что смогу я? – подумал Кюлюг-Бильге. – Если я стану каганом, каким человеком я буду? В ком и где мне искать опору когда отца не станет?»

Немного поразмыслив, он отдал ответ на эти вопросы на плечи грядущего.

- Слава Мани! – слышалось отовсюду. – Слава Мани!

1. Пчак - традиционный кинжал уйгуров.

Часть 1: Гость из Согдианы. Глава 1: Каган

10 лет спустя, тронный зал Орду-Балька

Во дворце было очень шумно, особенно в тронном зале кагана, где собрались согдийские купцы, манихейские священники, а также главы знатных степных родов, в основном уйгурских. Сегодня должно было прибыть посольство от императора Тан, в котором он должен был дать ответ насчёт свадьбы с принцессой Тайхэ.

Пока посол был в дороге, каган Кюлюг-Бильге, занявший трон после смерти своего отца семь лет назад, решил выслушать новости о делах в каганате от своего канцлера, или по-новому, астабадха Джужа из Орхона. Канцлер был одет в белые манихейские одежды, как и каган, у него были длинные и густые чёрные усы, а на голове был национальный головной убор уйгуров: шапка-топа с меховым околышем из редкого белого соболя.

- Великий Каган, имею честь представить вам новости о происходящем в стране! – громко сказал астабадх, привлекая внимание собравшихся.

- Говори, Джуж из Орхона, - разрешил Кюлюг-Бильге, а затем бросил быстрый взгляд на свою наложницу из знатного киргизского рода Йилдыз, которая сидела на ступеньке ниже трона и перебирала четки. Ему показалось, что она чем-то обеспокоена...

- Каган!

Кюлюг-Бильге слегка дёрнулся и кивнул, давая знак, что он слушает.

- Итак, - Джуж развернул свиток из китайской бумаги. – Киргизы озера Ханьхай (2) сопротивляются принятию новой веры, шаманы сеют смуту, а некоторые вожди негативно относятся к новой политике каганата по разделению населения на десятки для лучшего обращения в веру.

- Я почти не облагаю их налогом, а они бунтуют, - зло буркнул каган, ёрзая на троне. – Я даже взял к себе дочь их вождя в знак доброй воли, а они... Пошлите к ним сотню отборных воинов из Стражей Шёлкового Пути, чтобы они напомнили им о том, кто глава каганата и как нужно его слушаться.

Астабадх сделал пометку пером, а затем перешёл к следующей теме:

- В землях Иртыша, Саура и Джеменейки прошли ужасные ливни, озеро Жайсан вышло из берегов и затопило окрестные степи. Население, скот и посевы очень пострадали.

- Свет гневается на тех, кто отвергает его! – громко провозгласил Первосвященник Мар Абба, тощий от аскеты пожилой согдиец с тёмным лицом и подведёнными чёрным карими глазами. – Если Свет покарал жителей Иртыша и Саура, значит на то воля Мани, и там было много Тьмы!

Астабадх неловко переступил с ноги на ногу в своих мягких кожаных сапогах, не зная что сказать.

- Я не сомневаюсь в воле Света, - сказал каган. – Но делом Света будет также отправить жителям Иртыша и окрестных провинций помощь. И, если нужно, и с их согласия, они будут переселены поближе к сердцу каганата.

Первосвященник сощурился, но ничего не сказал: несмотря на клятвы, эти дикари всё ещё допускали двойное мнение насчёт святых догматов...

Джуж сделал себе пометку, а затем его тон стал серьёзнее:

- Карлуки Таласа, Баласагуна и Барскауна спрашивают кагана: зачем он отвёл свои войска из пограничных гарнизонов в Чаче, Таласе и Баласагуне? Шах Ферганы и эмир Самарканда начали подозрительные передвижения войск в Уструшане и Хайламе, и есть подозрения что они могут потревожить поселения и кочевья карлуков в этом регионе.

- Я же сказал им, что у меня договор с Халифатом, - ответил на это Кюлюг-Бильге. - Теперь эти крепости принадлежат Аббасидам и их вассалам. Если эти земли стали опасными для карлуков, то пусть откочёвывают куда-то подальше от арабов. Теперь это их проблема...

- Свет их защитит, если на то будет воля Мани... - подала голос Йилдыз, выглянув из-под закрывающей её лицо тонкой и прозрачной белой ткани.

- Они язычники и знают только Тьму! – стукнул посохом об пол Мар Абба, и другие Избранные одобрительно постучали своими посохами в ответ и загалдели.

- Тишина, пока идёт доклад! Тишина! – громко стукнул своим копьём об пол верховный маршал, или по-новому эранский спахбед, генерал Паньгуань, по прозвищу Ху Шашоу, или Убийца Тигра.

Дождавшись относительной тишины, каган спросил астабадха:

Есть ли новости от енисейских (3) киргизов и хантов нярыма?

- Енисейские киргизы прислали дань пушниной, скотом, лошадьми и несколькими десятками отборных воинов для службы кагану. Но и у них есть вопросы насчёт миссионерской деятельности, которую далеко не все одобряют...

- Свет разгонит Тьму, - сказал Кюлюг-Бильге. – Если они не бунтуют, а лишь ворчат, то пошлите к ним больше миссионеров.

- Сам Мани вложил эти слова в ваши уста! – одобрительно заметил Первосвященник. – Я немедленно займусь подготовкой новой миссии!

Не дожидаясь слов кагана, Первосвященник покинул своё место по правую руку от правителя и быстрыми шагами вышел из тронного зала, вслед за ним потянулись остальные Избранные.

Каган облегчённо вздохнул про себя: не придётся вести религиозные речи перед китайским послом, когда тот наконец придёт.

- Ханты прислали дань шкурами и мехом, и лишний раз подтвердили свою готовность жить в вечном мире с нашими людьми. Это всё на сегодня, - закончил свой доклад астабадх.

- А что насчёт отюкенских монголов? – спросил Кюлюг-Бильге.

Джуз прошёлся взглядом по тексту ещё раз.

- Никаких новостей оттуда не поступало. Впрочем, в прошлый раз они отправили двойную дань после удачного набега на соседей...

- Хорошо, можешь идти...

Астабадх кивнул и вышел из зала, повисла неловкая тишина. Один из согдийцев решился выйти на синюю ковровую дорожку и произнёс с большим почтением:

- Великий Каган, от лица торговцев Согдианы, просим вас выслушать нашу нижайшую просьбу и обращение...

Кюлюг-Бильге кивнул и дал знак говорить. Торговец поклонился ещё раз и, тщательно подбирая слова, начал:

- Провинции вокруг озера Лобнор у предгорий Тибета до сих пор не восстановились после войны вашего деда Ачдо-хана против императора Тибета, Цэнпо Пургяла Гэлу, торговля идёт с большим скрипом, и... - он оглянулся на толпу согдийцев, взглядом ища поддержки, - и поэтому мы просим вас пересмотреть старые торговые договора с учётом уменьшения пошлин и процентов по налогу с дохода...

- Ты можешь говорить громче?! – раздражённо буркнул каган. – Ничего не понял из того, что ты сказал.

- Ну... - замялся согдиец, но его прервали.

- Посол Танской Империи, Ли Чэн, с подарками и ответом на свадебный вопрос! – громко провозгласил вошедший в тронный зал герольд.

Каган махнул рукой в сторону, давая знать торговцу, что сейчас не до него. Тот едва успел отпрыгнуть в сторону, пропуская китайских гвардейцев, сопровождавших пышную богатую

процессию посла, пришедшего с множеством танцовщиц, музыкантов и носильщиков подарков.

Впереди процессии шёл сам посол Ли Чэн, одетый в богатую форму китайского чиновника времён династии Тан: красный шёлковый халат с орнаментом в виде золотого дракона, называемый «чаофу», подпоясанный кожаным ремнём с золотой бляшкой с нефритовыми вставками. На голове у него была чёрная шапочка с длинными ушками – убянь – эти шапочки всегда казались кагану очень забавными. На ногах же у него были белые шёлковые штаны – куси, а также чёрные сапоги из дорогой кожи.

- Сыту (4) Ли Чэн, гун (5) Цзюцюаня, троюродный дядя Сына Неба Сянь-цзуна! – объявил вышедший слева от посла сопровождавший его герольд, когда музыка затихла.

- Для меня честь встретиться с ваном уйгуров, - сказал посол на уйгурском, слегка склонив голову и приложив руку к сердцу. – Ваша слава гремит по всей Поднебесной...

- Уйгурский Каган приветствует посла Танской Империи, - делая акцент на втором слове, сказал Кюлюг-Бильге, прямо глядя на посла. – Надеюсь, ты принёс хорошие вести?

"Назвали меня «ваном»? – подумал каган. – Я не ваш наместник!"(6)

- Сын Неба слёт вам дары, музыкантов и танцовщиц, дабы услаждать ваши царственный взорь и слух... - уклончиво сказал Ли Чэн. – Также, он вновь заверяет васс в дружбе между нашими народами и нашими правителями...

Посол так сильно коверкал слова от волнения, что каган не выдержал:

- *Твой уйгурский ужасен, я могу говорить на твоём языке*, - сказал он по-китайски.

- *Но тогда нас не поймут здесь присутствующие...* - неловко возразил посол, указывая пальцами на людей в тронном зале.

- Дары – это хорошо, - громко сказал Кюлюг-Бильге, - но нам больше интересна свадьба с обещанной нам принцессой Тайхэ. И, посол, не волнуйтесь, мы с вами здесь друзья.

Сыту слотнул, улыбнулся и, набравшись смелости, произнёс:

- Сын Неба Сянь-цзун очень сожалеет, но вынужден отказать вам в вашей просьбе о свадьбе с его царственной сестрой, так как казна в текущее время не имеет средств на подобные мероприятия... Но не исключает такой возможности в будущем...

Каган сжал руки в кулаки и ударил по подлокотникам трона:

- Это было обещано уже давно! – вскричал он. – Долго ли китайцы будут кормить нас своими обещаниями?!

- Сын Неба очень сожалеет... - повторил Ли Чэн, низко кланяясь и дрожа от страха. – Примите наши скромные дары и дождитесь благоприятной абстанофки...

- Вон! – крикнул Кюлюг-Бильге. – Оставляй тут свои дары и убирайся обратно к своему императору! И передай ему, что если волку не дают зайца, то волк сам за ним придёт!

Проливая слёзы, сыту в ужасе склонился и попятился назад, давая знак своим людям выйти из зала, уйдя после этого последним и ещё раз поклонившись.

После того, как за танским послом захлопнулись двери, каган подпёр кулаком подбородок, зло вздохнул и обратился к стоявшему рядом эранскому спахбеду Паньгуаню:

- Как думаешь, он сказал правду?

- Я слышал, что император очень занят борьбой с военными наместниками, - ответил генерал, задумчиво крутя в руке длинный седой ус. – Когда я ещё был младшим офицером у одного из цзедуши (7), они уже тогда плевали в сторону Чанъаня (8).

- Значит... - медленно проговорил каган, - мы не встретим особого сопротивления, если я решу преподать танскому владыке урок о том, что нужно соблюдать свои клятвы и обещания?

- Вероятность успеха довольно велика, - кивнул Убийца Тигра. – Я свяжусь с генерал-губернатором Сиюя, Го Синем, чтобы он послал только номинальные силы для отпора. Он мой старый сослуживец и не должен отказать...

2. Байкал (китайск.)

3. Тюркское название реки – «Кем», но я оставил современное название для удобства читателя.
4. Сыту – один из высших чиновничьих рангов времён династии Тан.
5. Гун – землевладельческий и военный ранг, примерно равный феодальному герцогу.
6. Ван – один из высших рангов, равный по правам королевскому. Обычно давался главам союзных или вассальных племён. Хотя в отсутствие императорской власти крупные землевладельцы могли объявить себя настоящими ванами-царями.
7. Военные губернаторы, набравшие большую силу при Поздней Тан из-за ослабления центральной власти.
8. Столица династии Тан, находившаяся на западе Китая.

Глава 2: Деревня колдунов

Подготовка рейда на Тан продлилась три месяца, чтобы китайцы почувствовали себя в относительной безопасности, думая, что каган уйгуров блефует.

Наконец, в октябре 806 года трёхтысячный отряд, состоявший из 2800 уйгурских багатуров и двухсот Стражей Шёлкового Пути, элитных наёмных воинов, сражавшихся от Чанъяня до Багдада, выдвинулся на юг из Орду-Балыка, беря курс на китайскую провинцию Аньси.

Пройдя через провинции Тэргун-Богд, Адж-Богд и Джуян, в начале ноября они огненным вихрем прорвались через слабо охраняемую китайскую пограничную заставу во главе с самим каганом, сея смерть и опустошение на своём пути.

Уйгуры забирали всё ценное, сжигая всё, что не было защищено стенами, а немногочисленные китайские солдаты разбежались прочь кто куда под защиту каменных стен гарнизонов, и население бежало за ними. Степные воины не преследовали их, занявшись поиском добычи. Затем каган приказал выдвигаться восточнее, в Цзюцюань, где они разграбили и сожгли резиденцию Ли Чэна, уведя в плен множество китайских и согдийских женщин и образованных слуг. Причём почти никто из солдат Орду-Балыка не погиб.

Наконец, Паньгуань сказал кагану, что они слишком увлеклись, и что время, выделенное им генерал-губернатором, истекает.

— Ну, хорошо, — сказал Кюлюг-Бильге. — Грузите добычу и пленных на телеги, возвращаемся домой.

Во время отхода внезапно началась ужасная метель, и каган вместе с гвардией Шёлкового Пути потеряли свой отряд из виду, решив проверить что ещё есть на востоке.

— Мы погибнем, если пойдём на север! — крикнул эранский спяхбед, пытаясь перекрыть завывающий ветер. — Нужно спрятаться в горах! — он указал на возвышающиеся позади тибетские хребты.

— А если там засада?! — крикнул в ответ каган.

— Выбора у нас нет! — что есть силы прокричал Паньгуань.

Уйгурскому кагану не понравилась идея лезть через тангутские перевалы и искать там пещеры или поселения для ночлега, но если бы они остались в степи, то их бы просто замело снегом по самые уши.

— Ладно! — согласился Кюлюг-Бильге. — Спрячемся в горах!

Через час или два им удалось отыскать надёжную тропу, которая вела в тибетские горы. Каган рассчитывал поймать какого-нибудь местного жителя и заставить его отвести их в безопасное место, но, как назло, вокруг не было видно ни души. Верхом на выносливых арабских скакунах, подаренных мудрым халифом Аббасидов Харуном ар-Рашидом в знак мира, уйгурский отряд продвигался вперёд по горной тропе, прижимаясь к отвесным скалам, защищавшим их от бури.

Наконец, один из персов, входивших в гвардию кагана, отправился вперёд на разведку и притащил с собой низкорослого охотника из тангутов, сжимавшего маленький лук и с колчаном стрел на поясе.

— Где тут ближайшее поселение? — спросил у него каган на китайском.

Тангут взглянул на кагана исподлобья, подумал несколько секунд и сказал на ломаном китайском:

— Здесь есть рядом деревня. Я вести, вы отпустить. Договориться?

— Договориться, — кивнул Кюлюг-Бильге. — Веди. Но если это ловушка, то ты умрёшь очень мучительно.

Тангут повёл их дальше по тропе, сворачивая то вправо, то влево в неприметные проходы, куда с трудом протискивался всадник на лошади. По мере продвижения метель начала

внезапно стихать, пока наконец не превратилась просто в ветер с густыми снежными хлопьями. Затем впереди показалась развилка, а над скалой за ней за клубилось несколько столбов дыма. На развилке посередине стоял столб, украшенный перьями и черепами.

— Идти налево вы, — остановившись перед развилкой, сказал тангут, поворачиваясь к кагану. — Я дальше не идти. Плохое место. Но место с домами и едой.

— Ты обещал довести нас до поселения, а сам хочешь сбежать? — с подозрением спросил Паньгуань.

— Я дальше не идти, — упрямо повторил охотник.

Каган подъехал к нему на своём вороном скакуне, стоявшим целое состояние и покрытым синей тканью с золотыми нитями по краям.

— Значит, ты дальше не идти? — деланно-равнодушно спросил каган.

— Истина, — ответил тангут, переминаясь с ноги на ногу.

Кюлюг-Бильге резко наклонился, схватил тангута за шею, а потом выкинул его в пропасть, словно нашкодившую кошку. Крик охотника быстро потонул в вое ветра.

— Посмотрим, что за деревня такая, — сказал каган. — Айя! — он пришпорил своего скакуна и поскакал вперёд.

Проход оказался довольно быстро. Каган и его гвардейцы свернули вправо и оказались на широком плато, где быстро отыскали проторенную дорогу к тангутским шатрам из выдубленной кожи, видневшимся впереди.

Добравшись до домов тангутов, они узрели непривычную картину: шатры были обложены звериными костями и черепами. На хилых деревьях висели мешочки с резко пахнущими травами, перебивавшими запах дыма и какого-то странного мяса. На стенах шатров были рисунки, но не охрой, а чем-то похожим на засохшую кровь: сцены охоты людей со звериными головами на животных с человеческими чертами лица. Повсюду слышалось странное гортанное пение в низких тонах.

— Это не поселение, — пробормотал Паньгуань. — Это гнездо.

— Не мели чепухи, — отмахнулся каган.

Отряд вышли встречать татуированные старухи в мешковатой одежде. Странные чёрные линии, похожие на змей, спускались и поднимались по их оголённым рукам и ногам. В лица некоторых были вставлены костяные иглы, а глаза — подведены чёрным.

— *Нь мбый лху вэ?* — не приветливо спросила самая старая из них, один её глаз был уже совсем белый, а дрожащие руки цеплялись за деревянный посох с черепом маленького животного на навершии.

— *Китай? Уйгур?* — спросил каган на разных языках.

Старуха повернулась в сторону более молодой спутницы, очень худой женщины лет пятидесяти с короткими чёрными волосами и костяными серёжками в ушах.

— Вы — есть кто? — спросила она на китайском.

— Путники, что потерялись и ищут укрытие, — ответил Кюлюг-Бильге.

— Здесь укрытие нет, — сказала тангутка. — Уходить далеко.

Каган переглянулся с эранским спяхбедом и сказал, положив руку на рукоять сабли:

— Мы только переждём бурю, отдохнём и уйдём. Мы можем заплатить.

Тангутка перевела его речь своей древней спутнице. Та громко и страшно расхохоталась в лицо воинам.

— Ха-ха-ха-ха! *Мэ! Мэ-э! Нь мбый джэя джий!*(1) — она подняла трясущуюся руку и протянула в сторону отряда кагана похожий на коготь морщинистый указательный палец. — *Кый нгвэ мый сье зы!*(2)

Старухи мгновенно отступили назад, а из шатров высыпали страшные люди с костяными ритуальными ножами и копьями и набросились на отряд Кюлюга-Бильге словно стая древних демонов.

Их натиск был внезапен: они прыгали на воинов, повисали на лошадях и выкрикивали что-то невразумительное. Откуда-то полетели стрелы с костяными наконечниками, кто-то из воинов закричал от боли — нож тангута торчал у него из глазницы, кровь пролилась на снежную равнину.

— Йаму! — кричали тангуты, нанося удары. — Йаму! Йаму! Ньэ ньи мбий шый кый!
(3) — последнюю фразу они произносили словно одно слово.

Их костяные ножи и стрелы не могли пробить железные кольчуги и шлемы уйгуров, арабов и персов или стальные пластины на груди Паньгуаня, но всё же двадцать гвардейцев пали замертво в первые минуты, пока отряд не сгруппировался вокруг кагана и не поднял щиты и копья, защищая правителя.

Дальше началась методичная работа по зачистке поселения, давно знакомая Стражам Шёлкового Пути. Их копья и луки работали непрерывно, пока не осталось никого. Песни и крики странных тангутов затихли, и только снег мягко ложился на окровавленные камни.

— Ух! — Убийца Тигра вытащил свой меч из груди низкорослого тангута в меховом плаще и с костью в носу. — Грязный был бой, и очень нечестный.

— Посмотри на них, Паньгуань, — сказал каган, вытирая свою саблю шёлковым красным платком. — Никто из них не дал бы тебе честный бой.

— Знаете, что самое странное, мой каган? — сказал эранский спяхбед, осматривая побоище. — Здесь нет ни одного ребёнка.

— Может быть, дети остались в домах? — предположил один из гвардейцев, тот самый, что поймал охотника.

— О, Мани, они все такие низкорослые, — скривился Кюлюг-Бильге, спешиваясь. — Может быть, дети среди них тоже есть, только не разобрать уже кто есть кто...

Он велел воинам разойтись по шатрам и поискать там горячую еду и выживших, а сам отправился вперёд, где был виден старый каменный алтарь. Это был большой плоский камень, на котором лежали череп волка, семена и перья, а также стояли чашки с дымящимися травами.

Там же он нашёл и выжившую. Древнюю старуху, которая пела:

— Кый лху ный(4), Йаму! Кый лху ный, Йаму! Кый лху ный, Йаму!

Она повторяла это снова и снова, кланяясь алтарю и поднимая к темнеющему небу узловатые руки с костяными браслетами. На её ладонях виднелись чёрные семизавитные спирали, соединённые с остальным рисунком на руках толстой чёрной линией на запястьях.

— Эй! — окрикнул её Кюлюг-Бильге на китайском. — Есть ещё люди в поселении?

Словно не слыша его, старуха продолжала свою молитву, став кланяться всё быстрее и быстрее. Раздражённый, каган снёс ей голову саблей, а затем увидел, что перед ней на алтаре лежала обнажённая девочка или низкорослая девушка с такими же татуировками, что и у убитой.

Когда кровь из отрубленной шеи брызнула на лицо девочки и когда каган потянулся к ней рукой, она вдруг резко открыла глаза, пронзив уйгура взглядом абсолютно синих глаз до глубины души.

Каган закрыл глаза и помотал головой: таких глаз у тибетцев или тюрок точно не может быть.

Вновь открыв глаза, он увидел, что девочка плачет и тянет к нему руки:

— Ми-ми! Ми-ми! — повторяла она, а её глаза были цвета светлого янтаря со слегка вытянутыми зрачками, словно у кошки или змейки.

«Так я и думал, — облегчённо вздохнул каган про себя. — Я, наверное, слишком устал за сегодня...»

Он взял девочку или девушку (он точно не знал) на руки, а затем отнёс её в один из домов, дал ей взятый у одного из гвардейцев кумыс, чтобы она согрелась, а затем положил на

меховую лежанку и накрыл тёплой от горевшего внутри костра шкурой. Она быстро уснула, свернувшись клубочком словно котёнок.

Предстояла долгая ночь и долгая дорога.

1 — Да! Да! Вы заплатите! (тангутск.)

2 — Убить их всех! (тангутск.)

3 — Тебе даём эту жертву! (тангутск.)

4 — Усни, засыпай (тангутск.)

Глава 3: Согдиец

Восемь месяцев спустя, у западных ворот Орду-Балыка

В начале июня 807 года к западным вратам столицы уйгуров подошёл молодой человек с кудрявыми русыми волосами, пышной бородой и подведённым чёрным голубыми глазами. Он был одет в одежды согдийского купца, на голове у него была белая чалма, через плечо висела сумка со свитками, а за спиной была сума с вещами.

Он бросил взгляд на ворота города: они были из выбеленного камня, хорошо укреплены, по верху туда-сюда ходили стражники в белом и синем, а по двум углам ворот наверху развевались флаги: золотой крест внутри золотого круга на белом фоне — символ манихейской религии. Очертания креста напомнили ему символ зороастризма: царского орла Фаравахара. Над крестом вне круга также был золотой полумесяц рогами вверх — символ уйгурского рода.

Набравшись смелости, он последовал за торговым караваном внутрь города.

— Стой! — крикнул ему один из стражников.

Внутри у согдийца всё замерло, он медленно повернулся к уйгуру, думая что его сейчас будут досматривать в рамках выборочной проверки, а этого нельзя было допустить, так как в его суме был дорогой контрабандный шёлк, на выручку с продажи которого он планировал снять жильё и питаться первое время.

— Идёшь по торговым делам, купец? Как тебя зовут? — поинтересовался стражник.

— Верно... — согдиец неловко улыбнулся. — Меня зовут Вахуш. Хочу заключить новый торговый договор с каганатом...

— Хорошо, сейчас столице очень нужны деньги, — стражник кивнул в сторону города, который был покрыт множеством строительных лесов. — Зимой случилась ужасная буря и даже гроза, многие здания пострадали.

— Гроза зимой? — поднял брови молодой человек. — Маловероятно, но не невозможно...

Солдат кивнул и дал знак копьём, что он может идти.

— Удачной тебе торговли, Вахуш! — крикнул он юноше вслед.

— Спасибо! — с облегчением помахал рукой тот.

Сказать по правде, он не был купцом, но пришёл устроиться счетоводом во дворец кагана по совету одного из своих знакомых из ордена герметистов, изучавших небо, звёзды, алхимию, астрономию, астрологию и теургию, а также медицину. Он состоял в нём уже около семи лет и недавно даже был поднят с Новуса до Посвящённого благодаря одному из своих трактатов о движении небесных тел, одобренному четырьмя членами коллегии из пяти.

Пятым, не принявшим его работу, был брат Абдул-Малик из Мавераннахра, который всегда относился к его работам чересчур дотошно и был одним из старейших членов местного отделения ордена. Хотя Вахуш всегда считал его ворчливым придирчивым стариком, который сам не знает, чего хочет от учеников.

Удачно продав шёлк у контрабандиста, связанного с орденом, он снял небольшую комнату в гостинице, разложил там свои вещи, спрятал под постелью свитки и ингредиенты для зелий и теургических ритуалов и стал ждать подходящего момента, когда каган объявит о свободном посещении его тронного зала для всех желающих, дабы услышать о проблемах народа и решить какие-нибудь мелкие судебные дела.

Ему не пришлось долго ждать: примерно через месяц, в середине июля, каган объявил о свободном посещении дворца. За это время Вахуш успел освоиться в городе, посмотреть купеческий и храмовый кварталы, а также сделать первые черновые наброски структуры Магнум Опуса, монументальной научной работы, которая была нужна, чтобы стать Магистром или даже Магусом местного отделения герметистов. Конечно, он несколько спешил, так как для

сдачи такой работы могли потребоваться целые десятилетия, но его живой кипучий ум не мог просто сидеть без дела в ожидании.

Собрав утром все необходимые для посещения и принятия на работу документы и вещи, Вахуш отправился во дворец вместе с процессией купцов, просильщиков, крестьян, священников и таких же соискателей, как и он.

Пройдя через каменную арку, разукрашенную синими и серебряными узорами, он пошёл вслед за толпой, почти никуда не сворачивая, пока не добрался до тронного зала, где уже восседал каган в белоснежных одеждах. По правую руку от него стояла хатун Тайхэ, китайская принцесса, старшая сестра императора Тан, ради которой ему пришлось немало потратиться и постараться.

Уйгурский каган построил для неё целый дворец для приёма посольств, назначил ей охрану и собрал множество подарков. Перед свадьбой Тайхэ получила титул Жэнь-сяо-дуаньли-минчжи-шаншоу-кэдунь и её отправили к Кюлюгу-Бильге с пышной процессией. За 50 километров до столицы каган пожелал видеть принцессу, но ему отказали.

По прибытии царицы началась церемония: каган сел на площади у врат дворца в церемониальной юрте лицом к востоку. У ворот города стояла большая юрта для наречённой и ещё несколько поменьше для членов посольства. Из большой юрты вынесли паланкин с принцессой и пронесли его по главной улице города до площади. Затем из паланкина вышла Тайхэ, которая успела переодеться в уйгурскую одежду: красный кафтан, короткое синее платье, головной убор спереди и сзади острый. Она поклонилась кагану и вернулась в паланкин. Девять министров взяли носилки и девять раз по солнцу обнесли их вокруг площади под торжественную музыку. Тайхэ вышла из носилок и села рядом с каганом, уйгуры приветствовали её и желали счастья молодым. Затем она поставила свою юрту рядом с юртой кагана.

Когда посольство собралось в обратный путь, было приказано устроить щедрый пир для всех. Тайхэ горько плакала, прощаясь с родными, а Кюлюг-Бильге повелел богато одарить послов.

Тем временем, в китайском Хэбэе восстали цзедуши, и каган послал спахбеда Ли Ицзе с 2000 воинов на помощь императору. В Ордосе императорские чиновники остановили уйгуров и, щедро их одарив, сказали им возвратиться, так как боялись впускать уйгуров в Китай, памятуя разграбление Аньси и Цзюцюаня.

Тайхэ была очень высокой для китайки, ей недавно исполнилось тридцать четыре года, у неё была длинная белая шея, красивый макияж и блестящие чёрные волосы, заплетённые в хитроумного вида причёску со множеством заколок. Она была одета в чёрное с белым платье, на запястьях у неё были золотые браслеты с рубинами, а на правой руке — кольцо с огромным драгоценным нефритом.

На коленях кагана сидела его любимая наложница, тангутка Ми-Ми, по прозвищу Пишак, или Котёнок, которую он взял в походе и приблизил к себе после того, как его предыдущая наложница, дочь киргизского вождя Йилдыз, умерла от страха во время зимней бури. На тангутке было белое сари с синим низом, украшенным рисунками белого и чёрного барсов, которые чередовались друг с другом белыми и чёрными точками, а голова девушки была покрыта прозрачной белой тканью.

Вахуш также заметил на ней шёлковые белые перчатки, скрывавшие тонкие маленькие ручки.

Дождавшись ближе к полудню небольшой паузы после мелкого судебного дела о наследстве между крестьянскими семьями, Вахуш смело вышел вперёд и встал перед каганом.

— Ты что-то хотел сказать, согдиец? — спросил каган. — У тебя, кстати, довольно необычная внешность.

— Отец купил мою мать на невольничьем рынке в Самаре, у болгар.

— Самар? — поднял бровь каган.

— Булгарский торговый пост на берегу реки, которую славяне называют Волгой.

— А... Так ты — сын рабыни? — нахмурился Кюлюг-Бильге.

— Нет, она вышла замуж за моего отца и родила уже после того, как он сделал её свободной женщиной, — мягко возразил Вахуш, кланяясь.

— Хм-м... Так как, говоришь, тебя зовут? И сколько тебе лет?

— Меня зовут Вахуш, мне двадцать пять лет, и я могу посчитать всё на свете. Также я сведущ в астрономии, медицине....

— Астрологии? — сдвинул брови каган. — Мани не поощряет гадателей, астрологов и прорицателей.

— Нет-нет, — поднял ладони Вахуш. — Астрономии. Наука о движении небесных тел.

— И зачем ты пришёл сюда?

— Мне сказали, что во дворец требуется хороший счетовод, поэтому я здесь.

— Хм-м, да, ты прав... У тебя здесь есть знакомые?

— Да, один из ваших счетоводов, Исмаил аль-Фахр, мы учились с ним вместе на моей родине в Хотане.

— У него такая смешная борода! — внезапно хихикнула Ми-Ми, соскочив с коленей кагана и подбежав к Вахушу. — Сбрей! Ты похож на девушку, которая ходит на руках!

Каган расхохотался, а хатун вздохнула и тоже сошла вниз по ступенькам.

— Значит, говоришь, ты можешь посчитать всё на свете? — спросила она глядя на замаявшего согдийца сверху вниз.

— Да, госпожа, — низко склонился согдиец.

— Тогда вот тебе задачка: у меня есть 1500 овец, как распределить их по 30 амбарам?

Вахуш поразмыслил несколько секунд, а потом сказал:

— А зачем посылать овец в амбары, когда их нужно отправлять в загоны для скота? Амбары не для этого.

Хатун довольно улыбнулась и сказала что-то одобрительное на китайском.

— Это была задача на логику, а не на счёт, не так ли? — с улыбкой спросил Вахуш.

— Да, ты молодец, — подняла брови Тайхэ. — Другой бы ответил не думая, — она обернулась и посмотрела на мужа с намёком.

— Возьми его, Кюльги! — подбежала к кагану Ми-Ми. — Он нам хорошо послужит!

— Ха-ха-ха! — довольно рассмеялся каган. — Так и быть! Ты принят, с испытательным сроком! — он поднял указательный палец. — Мой стражник проводит тебя в контору Исмаила. Можешь идти.

— Благодарю, Великий Каган, — низко склонил голову Вахуш.

Крепкого телосложения уйгур с железным копьём и в кольчуге повёл его вправо по коридору, отделанного белым камнем. На стенах коридора висели флаги с манихейским крестом и уйгурским полумесяцем, а также гобелены с фигурами знати, вручающей жрецам дары, что означало «царь и религия едины». Были там и фрески с изображениями Мани и его деяний, обрамлённые орнаментом на лотосовые мотивы.

— Веруешь ли ты в пророка нашего Мани, согдиец? — спросил внезапно стражник по дороге.

— Я уважаю всех святых людей и пророков прошлого, — ответил Вахуш. — Но сам я не отношу себя к какой-либо религии и не задумывался об этом...

— Побудешь здесь подольше — проникнешься, — сказал стражник, проводя его мимо снующих туда-сюда слуг и священников. — Скоро все народы Великой Степи примут Светлую Веру, это неизбежно...

— Вы говорите как священник, а не как солдат, — заметил Вахуш.

— Я задумывался о карьере в святом братстве, но пока не решался спросить, — серьёзно ответил стражник. — Там одни чужеземцы, и мне будет очень неловко от этого... Быть может, меня возьмут хотя бы дидаскалосом.

— Кем?

— Миссионером, — пояснил уйгур, подводя его к двери конторы. — Ну, удачи тебе, согдиец! — он отсалютовал копьём и пошёл по своим делам.

За дверью Вахуш нашёл Исмаила, который сидел, заваленный множеством бумажных и пергаментных свитков так, что его сложно было заметить. На столе у него стояли маленькие медные весы и чернильные принадлежности.

— О, брат Вахуш, ты уже здесь! — высунул нос из-под груды пергамента Исмаил. — Тебя так быстро взяли!

— Я не терял зря времени, брат аль-Фахр, — с улыбкой ответил Вахуш, осматриваясь. — Да, гляжу, работы через край.

— И будет ещё больше! — Исмаил встал из-за стола и отряхнул свою белую с коричневым одежду от пыли. Затем он увидел на рукавах пятна от чернил и запричитал от досады на арабском.

— Ещё больше? — спросил согдиец, кладя на ближайший стул свою сумку.

— Да-а, сегодня вечером будет пир в честь хатун и кагана, четыре месяца их свадьбы, а завтра мы с тобой отправимся на северо-запад, в земли киргизов, чтобы посчитать население и то, сколько из них уже приняло новую уйгурскую веру. Один из Избранных также отправится с нами для сопровождения. Так что приведи дома всё в порядок, возьми тёплую одежду на всякий случай, деньги и сменные вещи, запри дверь и приходи сюда рано утром. Не опоздай! Кстати, на пир приглашают и нас тоже. Там соберутся все высшие знатные и финансовые чины города.

— Когда я был против бесплатной еды, брат? — рассмеялся Вахуш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.